

Протоиерей Александр Авдюгин

# Мы все воскреснем

Размышления накануне Лазаревой субботы



**М**алой Пасхой и предвещницей Воскресения Христова называют Лазареву субботу. Для нас это действительно так. Ведь мы знаем, чем заканчивается евангельская история.

По иному понимался в умах и звучал в сердцах факт воскресения четырехдневного мертвеца современниками Христа.

Восхищение и ужас, радость и страх, жизнь и смерть — эти антонимы чувств соседствовали в те минуты, когда из погребальной могилы-пещеры вышел известный в Иудее человек, похороненный, оплаканный и практически для всех уже навеки «прошлый».

Это чудо, ставшее своего рода водоразделом между теми, кто утверждал, что их Учитель есть действительно Сын Божий, и теми, для кого Он лишь угроза их духовного господства, и в день нынешний не утратило своей значимости. Более того, каждый из нас, желает он того или не желает, знает о воскресшем Христе и о воскрешенном Лазаре или остается в неведении о христианской истории, обязательно рано или поздно воскликнет, стоя перед родным и любимым умершим человеком: «Проснись! Встань!»

Христос победил смерть. Воскрешением праведного Лазаря он предначертал Свое Воскресение и наше с вами предстоящее будущее, но та, которую мы изображаем безобразной старухой с косой, до дня нынешнего «госпожа» и объективная реальность. Именно поэтому воскресение Лазаря — это не только апологетический и исторический факт, который столь часто используют в качестве примера и доказательства, но и событие, которое в корне изменяет отношение к смерти как таковой.

Ликование иерусалимской толпы во время Входа Господнего в Иерусалим, то есть на следующий день после восстания Лаза-

ря, — это не признание Христа Богом, а всего лишь радость избавления от страха смерти, который, как бы мы от себя его ни гнали, все едино в нас присутствует. Да, действительно, перед Христом расстилали пальмовые ветви и кричали ему «Осанна!», как царю, но этого не было бы, не выйди из погребальной пещеры «друг Господень». Логика ликующих иудеев проста и понятна: «Если Он победил смерть, то что и кто может Ему противостоять?!»

В начале 90-х, когда я только совершал первые шаги на священническом поприще, в нашей квартире уже довольно поздним вечером раздался звонок. Я открыл дверь и увидел перед собой красивую, богато одетую женщину. Было сразу понятно, что эта дама из ранга высокопоставленных служащих и что она очень много времени уделяет своему внешнему имиджу. Понятно потому, что каждая деталь ее туалета создавала единую картину с ее обликом. Все строго, добротное, выдержанное, красиво и представительно. В темном коридоре разглядеть все детали ее лица было невозможно, лишь позже, когда она, настойчиво и безапелляционно вручив мне пакет с «презентом», присела в кресло я смог внимательно на нее посмотреть...

Такой мольбы в глазах я еще не встречал. Это был не взгляд отчаяния и неизбежности, а именно мольба о помощи.

Далее последовал рассказ о недавно умершем сыне. Единственном, уже взрослом ребенке, добром и отзывчивом, который поступил в институт и радовал родителей своими успехами, приносил им только радость. И вдруг (как же часто это «вдруг» в нашей жизни становится причиной тяжкого горя) — неожиданная болезнь и смерть. Все надежды, планы и мечты, всё то, на чем строилось сегодня и планировалось завтра, что было радостным, счастливым и уже стало естественным, в одночасье рухнуло.

Я слушал эту женщину и боялся, что она вот сейчас, в этот момент остановится в своем рассказе-плаче и задаст мне вопрос: «Что мне делать? Как мне жить? За что меня Бог наказал?» Боялся потому, что в ее словах не было ни слова о Христе, которого я исповедую. Она, по всей видимости, ничего не знала о молитве, о грядущем для каждого воскресении. Для нее Бог если и существовал, то лишь как какая-то отвлеченная сущность, разработавшая правила нравственности, для реализации которых и создана Церковь.

Стремясь предотвратить эти неизбежные вопросы, ответы на которые она бы не поняла и, по всей видимости, не приняла бы их, я решил ее прервать и сам задал вопрос:

— Что вы хотите от меня, обыкновенного приходского священника, чем я могу вам помочь?

Ответ был столь неожиданно сложен, что лучше бы я дождался вопросов и просьб сам.

— Я хочу, чтобы мой сын вернулся.

Пока я собирался с мыслями, вернее, соби-

рал слова в предложение, чтобы хоть что-то ответить, моя посетительница стала приводить мне примеры воскресения из мертвых. И первым был Лазарь четырехдневный.

Не помню, как я успокаивал эту женщину, что говорил и советовал. Наверное, был похож в то время на Марфу, которая отвечала Христу перед тем, как ее брат вышел из гроба: *знаю, что воскреснет в воскресенье, в последний день* (Ин 11:24).

Да и что я мог ответить, если от меня ждали не утешения, а воскрешения?

Прошло больше десяти лет, и Господь даровал мне возможность снова увидеть эту женщину. Она сама позвонила. Представилась. Заставила вспомнить тот давний поздний вечер и попросила у меня несколько книг. Договорились встретиться в субботу, в храме. Я еще удивился, зачем ей книжки Шмемана и московской писательницы Олеси Николаевой. Как-то не вязался ее образ с этими авторами, сложно было представить, что может интересоваться мою давнюю посетительницу в этих довольно непростых книжках.

В храм вошла красивая, сдержанная, богато и со вкусом одетая женщина.

Я ее узнал. Пошел навстречу. Она же, пройдя мимо, подошла к аналою в центре храма, как принято перекрестилась, поцеловала икону, а уж потом с улыбкой повернулась ко мне и сложив руки «лодочкой» сказала:

— Благословите, батюшка.

Странно, но мне, уверенному, что вера изменяет человека, и знающему, что для Бога все возможно, данное преобразование показалось невозможным чудом.

Мы долго беседовали, и перед тем, как она уехала, я все же не удержался и спросил, что дало ей силы пережить горе и прийти к вере?

— Вы знаете, батюшка, я ведь просила многих воскресить моего сына, к кому только не ездила, а потом прочитала все Евангелие до конца и поняла, что ведь мы все воскреснем и наша встреча обязательно будет. Смерть-то Христос победил. И это меня успокоило.

Вот такое жизненное богословие, где чудо воскрешения Лазаря становится реальной уверенностью во власти Христовой над жизнью и смертью не только для тех, кто был в те давние года в Вифании, но и для нас, живущим здесь и сейчас. **✠**.